

МОСКОВСКИЕ ПРЕМЬЕРЫ

„ЧАЙКА“

Как дорого зрителю, как благодарен он режиссеру и актерам, когда та или иная, на первый взгляд незначительная деталь, тонко продуманная мизансцена позволяет ему вдруг открыть в любимой пьесе какой-то не замеченный раньше оттенок мысли или чувства, какую-то важную подробность, неожиданную сторону взаимоотношений героев...

Вот в один из долгих осенних вечеров усаживаются играть в лото в бывшей гостиной Аркадиной, сейчас превращенной в кабинет Треплева. Расставлен ломберный стол, принесены необходимые принадлежности, подают вино и пиво Тригोरину. Но прежде чем усесться за игру, деятельный Шамраев извлекает откуда-то сложенную в несколько раз бумажку и тщательно подсовывает ее под качающуюся ножку стола. Казалось бы, пустячная бытовая подробность. Но как много ею сказано! И не только о Шамраеве, который готов скорее сотню раз нагнуться, чем оторвать от работы плотника, чтобы исправить пустяковый изъян. Нет, этот привычный его жест сразу заставляет вас ясно представить себе, сколько раз уже подкладывалась эта бумажка под злополучную ножку стола, как каждый вечер (и сколько их уже было этих вечеров — и еще будет!) раскладывался этот стол, и, встряхнув мешочком, начинала Маша свое унылое: 22, 3, 8, 81, а за окном как же свистел ветер, и капли дождя стучали в окно, и дремал в кресле старый Сорин, бормоча в полусне что-то о своей неудавшейся жизни, и в мучительном раздумье перечитывал и рвал написанное неудачник Константин Треплев, а где-то далеко, в дешевом номере гостиницы разучивала роль раненая чайка Нина Заречная и плакала, вспоминая свое растоптанное чувство, свою юность, свои надежды, в свершение которых она все еще верит...

А незадолго перед этим разве мало сказала нам тоже как будто случайная мизансцена, когда стоящий у двери Медведенко (С. Ляхницкий), отвечая на вопрос, в самом ли деле встретил он Нину, выходит на середину комнаты, поближе к собравшимся, и, сказав свои несколько слов, вновь возвращается к двери и остается у притолоки, тихий, незаметный, никому здесь не нужный, чтобы, постояв еще не-

много, отправиться в дождь и ветер пешком домой («ведь всего только шесть верст!») к своему ребеночку, которого, как и его самого, не хочет знать его так горячо и так безответно любимая Маша.

И этот вальс, который Маша (М. Мищенко) танцует так, как будто и сама не замечает этого, — просто слушает, как играет в соседней комнате бесконечно дорогой ей человек, и думает о чем-то грустном и сладком, и в такт этим думам движется плавно и легко, отдаваясь им, отдаваясь внутреннему ритму на миг просветленной души; и этот, словно по молчаливому согласу общий взгляд, поворот головы в сторону Треплева, когда Дорн задает вопрос о Нине, — все это очень верно, очень по-чеховски. Каждая такая деталь, мизансцена, нюанс настроения вызывает в нас чувство признательности к постановщику М. Яншину и исполнителям спектакля театра имени К. С. Станиславского за те минуты искреннего волнения, которые доставляют они нам глубоким проникновением в замысел автора, тонкой интерпретацией его образов.

И как горько, что в этом же спектакле мы так часто сталкиваемся с обидным недоверием к автору, что рядом с тонкими деталями перед нами откровенный нажим, режиссерская подсказка, стремление «дополнить» Чехова, примитивно «разъяснить» его, перевести на язык сухой прозы едва уловимые поэтические движения человеческой души.

Обиженный бестактностью матери, Треплев прекращает представление своей пьесы и убегает. Все растеряны, сконфужены. И только Маша, порывистым движением поднявшись с места, рванулась за ним, но, поняв, что это не нужно, остановилась и застыла, устремив взор в чашу деревьев... Это хорошо, верно, убеждающе. Но зачем режиссер заставил актрису оставаться в этой напряженной позе, в центре сцены в течение многих минут, как бы не видящей и не слышащей всего, что происходит вокруг. Ведь ее поза должна была бы привлечь всеобщее внимание, а стоящие и разговаривающие рядом с ней люди вынуждены делать вид, что ничего не замечают.

Другой пример. Заканчивая свой разговор с Ниной во втором акте, Тригорин говорит, что ему очень не хочется уезжать,